

Глава 31. Потомство

— Но, быть может... в этом же и кроется его несчастье.

От этих слов у Ду Юньсэ болезненно сжалось сердце.

— Что вы имеете в виду, почтенный наставник?

Старый господин Гу тяжело вздохнул.

— Я не сказал главного. Тело его истощено сверх всякой меры. И помимо того, что это грозит сокращением земного срока, ему будет несказанно трудно... обзавестись потомством.

Цю Хуанянь медленно моргнул, не сразу осознав услышанное.

Став гээр, он старательно избегал любых мыслей о том, что чисто теоретически способен зачать и выносить дитя. Он просто вычеркивал это из своего сознания, поэтому сейчас слова лекаря не вызвали в нем мгновенного отклика. Однако вскоре до него дошел истинный смысл сказанного.

В этом мире люди дорожили продолжением рода превыше всего. Он мог открыто и законно стоять подле Ду Юньсэ лишь потому, что считался гээр, способным дать наследника.

«Если теперь подтвердится, что я не могу иметь детей, то Ду Юньсэ...»

Сердце Хуаняня кольнула острая игла боли. Юноша понимал, что не должен подозревать Юньсэ в корысти, но тот был сыном своего времени — молодым, блестящим ученым с блестящим будущим. Если наступит день, когда вопрос о наследнике встанет ребром, как ему самому смотреть в глаза супругу?

Заметив, как побледнел его пациент, старый господин Гу вновь вздохнул. Ему вовсе не хотелось выливать ушат холодной воды на эту любящую пару, но правда не исчезнет оттого, что её замолчат. Лучше уж сейчас, пока их чувства еще свежи и крепки, он примет на себя роль недоброго вестника, чем потом дело закончится крахом.

Лекарь не знал, какой путь выберет Ду Юньсэ. За долгие годы он насмотрелся на столичных сановников: в покоях каждого из них теснились наложницы. Даже Император Юаньхуа, при всей своей преданности покойной императрице, держал полный гарем красавиц.

Когда молодой ученый добьется славы и власти, когда он взойдет на вершину, много ли останется в его сердце от этой юношеской привязанности?

Редко кому удавалось пронести любовь через годы, не предав того, с кем делил невзгоды в безвестности. Тем более когда перед тобой — гээр с таким хрупким здоровьем, который едва ли сможет подарить тебе сына. В глазах общества такой супруг всегда будет стоять на ступень ниже.

В лучшем случае Хуаняня ждала участь наблюдать, как муж берет в дом наложницу ради продолжения рода. Но старик чувствовал: этот юноша с его гордым нравом никогда не примет подобного. И тогда в мире станет одной израненной душой больше.

Быть может, лекарство еще не подействовало в полную силу, но в груди у Цю Хуаняня защемило так, будто туда плеснули кипятком. Горло сдавило, а в мыслях воцарился хаос. Он внезапно осознал, что муж стал для него слишком важен — он хотел не просто идти с ним плечом к плечу, но и владеть им безраздельно.

В этот миг знакомая ладонь мягко легла на его глаза, даря спасительную темноту и покой. Не таясь от лекаря, Ду Юньсэ склонился и коснулся губами холодного уха Хуаняня.

Это нежное прикосновение заставило юношу забыть обо всем. В голове гулко, словно барабан, стучало собственное сердце.

— Я здесь, Хуанянь. И я всегда буду только с тобой.

Юньсэ обнял его так крепко, словно хотел срастись с этим хрупким телом. Он поднял взгляд на старого лекаря:

— Какими бы редкими ни были снадобья, вписывайте их в рецепт. Даже если мне придется расшибиться в лепешку, я добуду их для своего супруга.

— Ты...

— У Ду Юньсэ есть младшие братья и сестры, клан не прервется, — голос его звучал ровно и непоколебимо. — У меня нет одержимости потомством. Но супруг у меня может быть только один — Цю Хуанянь.

Многие годы он был холоден к делам сердечным, но встретив этого человека, его самообладание рассыпалось в прах.

Господин Гу не стал более спорить. Он подошел к столу и быстро начертил несколько рецептов.

— Этот первый листок — на общеукрепляющие отвары. Стоят они недорого, но и польза от них невелика: лишь удержат тело от окончательного увядания. Если же хочешь восстановить основу, понадобятся иные средства.

Он указал на остальные грамоты.

— Здесь — составы с женьшенем, пантами, снежным лотосом и серой амброй. Целительная сила их велика, но простому люду они не по карману. Сейчас больной еще не в том состоянии, чтобы принимать столь мощные средства. Когда сможешь их достать — тогда и начнете лечение. Эти рецепты — плод моих многолетних трудов. Отдаю их тебе лишь из уважения к твоему учителю и видя твою искренность. Помни свои сегодняшние слова, юноша. Смотри, не обмани доверия, не стань бесчестным сердцеедом.

Ду Юньсэ торжественно поблагодарил старца и вышел проводить его. Когда он вернулся, Хуанянь всё так же лежал, уткнувшись в подушку и глядя в пустоту.

Услышав шаги, юноша порывался спрятаться, но бежать было некуда. Он обреченно приподнял голову и снова уронил её на руки. Юньсэ подсел к нему, заботливо поправляя одеяло. Коснувшись пальцами его щеки, он тихо проговорил:

— Я уже велел тётушке Шу сходить в лавку за травами. Выпьешь отвар чуть позже. Этот состав нужно принимать десять дней, а после перейдем на укрепляющие средства.

Хуанянь лишь рассеянно отозвался. Ду Юньсэ понимал: эта заноза застряла глубоко в сердце его мужа. Никакие клятвы сейчас не помогут — лишь время и дела смогут доказать его верность. К счастью, впереди у них было еще много дней и ночей.

— Хуа-гээр, ты только поправляйся. Мы должны дожить с тобой до глубоких седин, — прошептал Юньсэ.

Хуанянь закрыл глаза, слушая его голос и чувствуя тепло его тела. Он едва заметно кивнул в ответ.

Тем временем у ворот Гуньюаня в префектуре Сянпин яблоку было негде упасть. Толпа родственников и зевак облепила доски с объявлениями.

Ду Юньцин отчаянно пробирался сквозь людской поток. Шапочка его съехала набок, а одежда покрылась мятыми складками. От напряжения он весь взмок. Должно быть, из-за смены климата в последние дни всё их семейство чувствовало себя неважно. Голова гудела, наваливалась странная сонливость. Сперва слегла госпожа Чжао, затем Фубао и Ду Баоцюань, а после экзаменов те же хвори настигли и самого Юньцина.

Утром он строго-настрого велел Ли Гуэр разбудить его к часу Змеи, до оглашения списков. Но та проспала, да и остальные не спешили открывать глаза. В итоге он добрался до ворот Гуньюаня лишь к полудню.

«Я должен быть в первых рядах...»

«Я должен быть выше Ду Юньсэ...»

Сердце Юньцзина колотилось от тревоги, а разум затуманился. Он и не заметил, как начал бормотать свои мысли вслух. Несколько школяров из академии Цинфэн, уже изучивших списки, услышали его и дружно рассмеялись.

— Поглядите-ка, еще один мечтатель, возжелавший превзойти самого Ду Юньсэ!

— Друг мой, уж не вы ли тот самый почтенный сюцай Ли, что занял третье место?

— Да какой там Ли! — подхватил другой. — Я знаю того Ли, ему уже пятый десяток пошел. Верно, наш герой — это сюцай Чэнь, что на четвертом месте, или Ван, что на пятом!

Ученики академии Цинфэн вовсе не хотели обидеть незнакомца. Просто, получив звание сюцай, они пребывали в небывалом восторге. В их глазах занять место ниже Ду Юньсэ — новоявленного юаньяншоу — вовсе не считалось позором. Лишь их заносчивый сокурсник Юй Минь мог негодовать по такому поводу.

Они решили, что раз этот молодой человек считает Юньсэ своим соперником, то и знания его должны быть на высоте, потому и начали гадать, приписывая ему места в первой пятерке. Однако их предположения оставались без ответа. То, что начиналось как шутка, теперь напоминало издевку. Если бы Ду Юньцзин не твердил без умолку о своем превосходстве, они бы ни за что не приняли его за ровню Юй Миню.

Миролюбивый Ван Иньчжи, видя, как терзается незнакомец, решил помочь:

— Я только что запомнил имена всех двадцати шести счастливых из списка. Скажите свое имя, а я попробую вспомнить, какое место вам досталось.

Ду Юньцзин, цепляясь за последнюю надежду, выпалил:

— Мое имя — Ду Юньцзин.

Наступила тишина. Школяры переглянулись. Это имя было слишком созвучно с именем лидера списка. Видя их молчание, юноша вновь принялся отчаянно тянуть шею. В этот миг толпа перед ним расступилась, и он наконец увидел красный свиток с именами.

Он, Ду Юньцзин, стоял на последнем, двадцать шестом месте.

А имя Ду Юньсэ сияло на самой вершине.

Начало и конец. Пропась, которую не измерить словами.

Глаза неудачника мгновенно налились кровью, лицо исказилось в гримасе ярости. Он не желал верить собственным глазам. Школяры, завидев его пугающий вид, невольно отшатнулись.

Вообще-то, стать сюэаем в столь юном возрасте — великое достижение. Но после бахвальства Ду Юньцина ситуация выглядела двусмысленно. Даже Юй Минь не смог превзойти Ду Юньсэ. Откуда же у этого выскочки взялась такая уверенность, что он, едва зацепившийся за край списка, может мериться силами с гением? Тот же Юй Минь, увидев результаты, лишь процедил сквозь зубы о будущей победе и ушел с достоинством. Этот же человек буквально брызгал ядом. Видимо, его ненависть питалась какими-то старыми счетами.

Школяры начали строить догадки, и желание водить знакомство с Ду Юньцином у них мигом пропало. С таким нравом далеко не уедешь. Ван Иньчжи произнес:

— Пойдемте отсюда. Нам дали лишь полдня. Вечером Байвэй ши, опоздаем — наставник голову снимет.

Ду Юньцин, услышав это, внезапно очнулся.

— Почтенные братья, постойте! — вскричал он с безумным блеском в глазах. — Неужто вы не видите здесь подвоха? Ду Юньсэ — всего лишь нищий выскочка, с чего бы ему быть первым? Тут явно нечисто! Я требую пересмотра свитков! Идемте к сюэчжэну, пусть покажет нам все работы!

— Ду Юньцин, придержи язык! — испуганно оборвал его Ван Иньчжи.

Подобные речи — это же открытый вызов самому главе образования префектуры! Если только сюэчжэн не взял мзду, как в результатах может быть подвох?

Проигравший и сам понял, что сболтнул лишнего, но горечь была слишком сильна. Он не верил в талант брата. А вдруг?

— Быть может, старейшина просто ошибся... Или... говорят, сюэчжэн был знаком с наставником Ду Юньсэ еще в столице...

— Мы не знаем, где ты нахватался этих слухов, но если хочешь погубить себя — иди один, нас в это не втягивай, — Ван Иньчжи поспешил увести товарищей прочь.

Сянпин — столица префектуры, и здесь знали подноготную нового сюэчжэна. Фэн Минцзюнь

прошел путь от академика Ханьлинь до великого цензора и славился своим несгибаемым нравом. Стал бы такой человек марать руки о подлог? К тому же, всякий, кто слышал стихи Ду Юньсэ на празднике, не усомнился бы в его таланте.

Ван Иньчжи и его друзья хотели уйти, но Ду Юньцзин вцепился в них мертвой хваткой. Их потасовка мгновенно привлекла внимание. Спустя пару вдохов к ним уже спешили стражники.

— Господа сюцаи, я прибыл по поручению господина Фэна, — поклонился старший писец.

— Вестимо, нашего сюэчжэна, господина Фэн Минцзюня, — усмехнулся чиновник. — Господин как раз совершал обход и до него долетели ваши споры. Он велел передать: после Испытания ста вкусов все сочинения новых сюцаев будут вывешены на всеобщее обозрение. Всякий желающий сможет убедиться в их качестве.

Чиновник бросил холодный взгляд на Ду Юньцзина:

— И еще господин велел добавить: «Скудоумие и узость помыслов — преграда на пути к великим свершениям».

Лицо Ду Юньцзина мгновенно стало белее мела. Сюэчжэн ведаёт всеми учениками префектуры. Если тот решит, что ученик недостойн, путь к чинам для него заказан. Ду Юньцзин попятился, дрожа от страха. Когда-то он со злорадством прочил такую судьбу Ду Юньсэ, и лишь теперь, когда беда коснулась его самого, понял, как это больно.

Чиновник махнул рукой:

— У ворот и так тесно. Коли посмотрели списки — расходитесь.

Ван Иньчжи с друзьями поспешили прочь. Ду Юньцзин в полном смятении побрел к дому. Сын хозяина дома, задававший в это время корм лошади, весело окликнул его:

— Господин Ду вернулся! Ну как, стали вы сюцаем?

Ярость неудачника внезапно выплеснулась наружу. Он с силой пнул ведро с кормом, и овес рассыпался по ногам парня.

— Стал я или нет — не твоего ума дело!

Парень оторопел, но смолчал. Глядя в спину уходящему постояльцу, малый лишь сощурился. Он ведь хотел его предупредить... Утром он видел, как та девица, кузина по фамилии Ли, что-то тайком подсыпала в чайник. Теперь же он решил — пускай! Так ему и надо.

Ду Юньсэ всё время был подле мужа. Болезнь отступила так же быстро, как и пришла: пролежав до вечера, Хуанянь перестал чувствовать дурноту. Но помня наказ лекаря, оба они теперь не смели пренебрегать здоровьем.

Хуанянь лежал на боку, обнимая подушку, и тихо посмеивался:

— Сейчас в Сянпине все новые сюцаи, верно, гуляют. А наш юаньяньшоу вынужден дежурить у постели больного.

Юньсэ налил теплой воды и поднес чашку к его губам.

— Когда ты рядом, мне спокойнее. Остальное — суета.

Вода смягчила пересохшее горло, и к Хуаняню вернулась ясность мыслей.

— Так не пойдет. Кто же будет голосовать за блюдо Хуан Данянь и продвигать мой красный ферментированный тофу?

Хуанянь умел быстро приспосабливаться. Узнав о недуге, он не стал предаваться унынию. Нужно было зарабатывать деньги, налаживать жизнь и... крепко держать Ду Юньсэ в своих руках. Он взглянул на мужа с улыбкой. Слова, сказанные тем ранее, для человека этой эпохи были верхом дерзости.

В груди у юноши потеплело. Эта внезапная беда заставила их обоих признаться себе в самом сокровенном. Он приказал Ду Юньсэ достать из сундука маленькие горшочки с продукцией.

— У меня сейчас нет сил, так что всё ложится на твои плечи. Когда «Цветной феникс» Хуан Данянь сегодня завоюет сердца гостей, не забудь устроить нам добрую славу.

Конечно, у него были и другие задумки, но сейчас ему просто хотелось немного поддразнить мужа. Тот со всей серьезностью кивнул.

— Только помни о деле. Не вздумай уронить свое достоинство, — напутствовал он супруга.

Ду Юньсэ ответил:

— Не тревожься, Хуа-гээр. Тебе велено отдыхать.

Пусть последние годы он только и делал, что корпел над книгами, но, странствуя с

наставником, он научился разбираться в людских делах. Теперь, когда у него был супруг, которого следовало оберегать, он был готов измениться. Ду Юньсэ хотел поскорее стать сильнее. Настолько сильным, чтобы воздвигнуть для мужа чертоги, где тот мог бы жить без забот.

Юньсэ долго давал наказы хозяевам дома и лишь в час Петуха отправился к террасе Минфэн. Чжэн Июань прислала из трактира Шу У, чтобы тот сопровождал ученого.

Терраса Минфэн высилась на западном берегу реки Ай. Это было изящное здание, с трех сторон окруженное водой. Нынешний префект Сы Цзин облюбовал это место и не пожалел казны на его украшение.

Ду Юньсэ прибыл вовремя. Те, кто видел его триумф на поэтическом состязании, сразу узнали его и поспешили с поздравлениями. Юньсэ вежливо отвечал им. Его начитанность быстро покорила сердца новых сюцаев. Даже Юй Минь не выдержал и подошел к их кругу.

Вскоре на террасу прибыли сюэчжэн, префект, глава академии Цинфэн и прочие сановники. Увидев, как молодые люди увлеченно обсуждают науки, Фэн Минцзюнь удовлетворенно кивнул.

— Добрые нынче сюцаи! — улыбнулся префект Сы Цзин. — Коли через пару лет они станут цзюйжэнями на благо Поднебесной — в том будет и ваша заслуга, господин Фэн!

Фэн Минцзюнь при этих словах нахмурился, вспомнив одного человека. Он думал, что раз этот юноша — брат Ду Юньсэ, то сможет поучиться у него. Кто же знал, что тот окажется столь мелочным? Сравнить его с Юньсэ — всё равно что мутный глаз рыбы с драгоценной жемчужиной. Сюэчжэн окинул взглядом залу, но так и не увидел Ду Юньцзина.

— Все ли новоявленные сюцаи в сборе?

Мелкий чиновник торопливо ответил:

— Прибыло двадцать четыре человека. Один не смог явиться по важным семейным делам. Сейчас не хватает лишь одного — ни вести от него, ни самого на месте.

До начала «Испытания ста вкусов» оставалось меньше четверти часа.

Фэн Минцзюнь холодно хмыкнул:

— Не тот ли это Ду Юньцзин из уезда Чжан, что всё еще не почтил нас своим присутствием?

Чиновник, проверив записи, подтвердил:

— Именно он, господин.

Гнев Фэн Минцзюня вспыхнул с новой силой:

— Префект, сюэчжэн и прочие чины Поднебесной уже здесь. Видать, велик почет сему Ду Юньцину, раз он заставляет нас всех себя дожидаться!

Префект Сы Цзин попытался смягчить ситуацию:

— Быть может, случилось что нежданное... Пошлите людей по адресу, где он остановился.

Но Фэн Минцзюнь был неумолим. Он обратился к писцу:

— Немедленно бери стражу и отправляйся к дому этого Ду Юньцина. Узнай, что там стряслось на самом деле!

<http://bllate.org/book/15363/1411665>